

«В отставку не просился...»

Владимир Игнатьевич Бровиков — человек известный. Его послужной список не слишком обширен, но последователен и успешен. Начав с газетных «низов», молодой журналист вскоре стал редактором районной газеты, затем — секретарем райкома КПБ. Учеба в Академии общественных наук при ЦК КПСС открыла новые горизонты. Бровиков работал редактором областной газеты «Віцебскі рабочы», секретарем обкома партии, заместителем заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС, вторым секретарем ЦК Компартии Белоруссии, Председателем Совета Министров БССР.

С высокою поста главы правительства республики Бровиков был переведен на

почетную, хотя и менее значительную должность посла в ПНР. Там, казалось, он пробудет до пенсионного возраста, а может, и больше. Но после резкого «антиперестроечного» выступления на Пленуме ЦК КПСС посол, как сообщалось в печати, подал заявление об отставке «по состоянию здоровья»...

Наш корреспондент встретился с Бровиковым в Витебске, куда Владимир Игнатьевич приехал из Москвы погостить у близких родни, повидать друзей. Выглядит он прекрасно. На вид — лет 50. Ну, от силы 55. Одет без намека на официальность, скорее по-спортивному. Внешне — очень напоминает заслуженного тренера — солидной команды. Может быть, даже и настоящего тренера...

— Владимир Игнатьевич, 60 лет для крепкого, бодрого человека — не повод предаваться воспоминаниям, тем более подводить итоги. И все-таки, как Вы оцениваете жизнь предыдущую?

— Она была нелегкой, но в общем везучей. Сводила с хорошими людьми, одаривала друзьями, интересной работой. Прожитое можно разделить на четыре этапа: десять лет журналистики, двадцать — партийной деятельности, около трех — государственной и более четырех — дипломатической. Везде — своя специфика, везде приходилось начинать с чистого листа. Тем чего удалось добиться, в принципе, доволен.

Были, естественно, и ошибки. Мог, наверное, сделать больше в творческом отношении, полнее раскрыть свои возможности. Но «столбовой» цели перед собой не ставил. Не в моем это характере, к сожалению. А, впрочем, о чем жалеть? Кроме работы или, скажем, карьеры, есть и другая сфера жизни, личная. Обе они и в гармонии, но и, одновременно,

в противоречии. Жизнь аскета не по мне.

— Если бы начать заново...
— ...В целом, думаю, повторил бы свой жизненный сюжет. И даже ошибки не стал бы исправлять. Иначе это был бы уже не я, а другой человек...

— Предел возможностей определяется только характером?

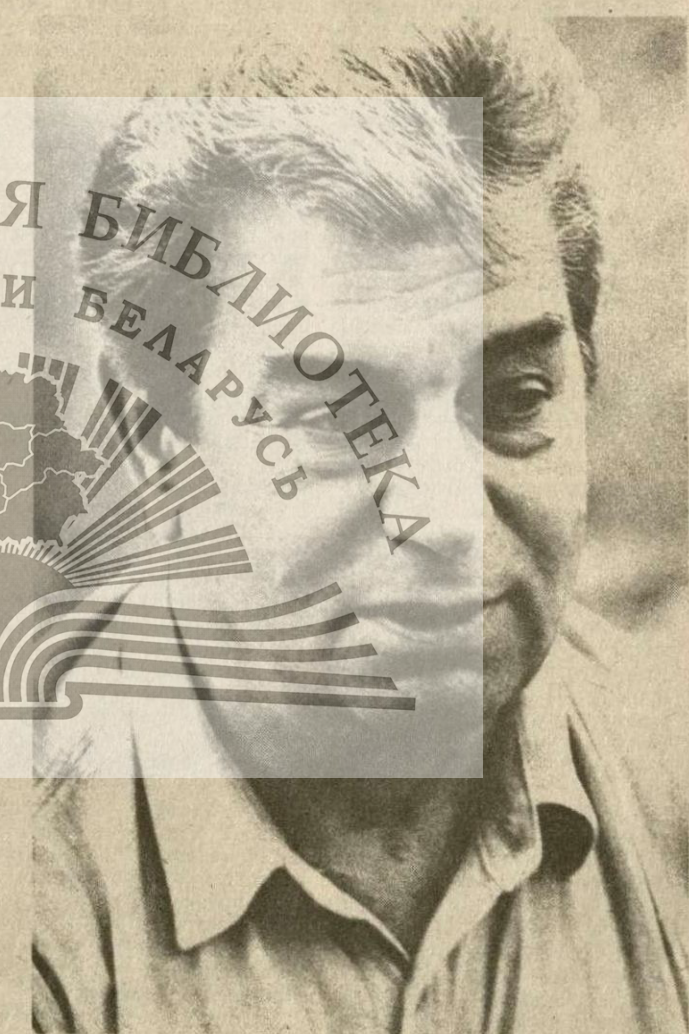
— Конечно, нет. Если человек по натуре вял, нерешителен, он и в самых благоприятных условиях ничего не добьется. А вот личность активную ограничивают обстоятельства. Натура у меня беспокойная, я всегда смотрю на жизнь глазами преобразователя, что ли. Пусть это и громко сказано. Мне везло на осуществление идей. Удавалось увлечь ими тех, кто меня окружал. А я старался окружать себя людьми смекалыми, мыслящими смело. Имею в виду свою работу в республике. На союзном уровне многое, конечно, труднее.

— Там система проявляет себя более мощно?

— Нет, не могли бы такими, какими видим себя в будущем. Мало кто тогда хотел навредить стране, большинство руководителей, политиков искал лучшие варианты общественного устройства. Правда, мы были ограничены в своих действиях. Ну, а другие (их меньшинство) заботились о личных благах. Но, согласитесь, и сейчас у сегодняшних руководителей возможностей реализовать себя не прибавилось. То же не прибавилось...

— При всей Вашей удачливости Вы не могли избежать конфликтов с Системой. Были отчаянные моменты, когда хотелось бросить все?

— Нет, я никогда не отчаивался. Хотя конфликтов хватало. Одна журналистская практика чего стоит. Меня пытались укротить секретари райкомов, горкомов, обкомов. Много раз встречал на своем пути косность, рутину, спесь. Верно говорят: нет страшнее катастрофы, чем столкновение с дураком. И это бывало, хотя и без катастроф для меня.

Машерова, Киселева, Слюнькова. С кем было лучше?

— Однозначно — с первым,

Очень разные, но одинаково мудрые и порядочные. А вот со Слюньковым отношения не

с Слюньковым отношения не

не. Председателем которого я был назначен с его, Слюнькова, «подачи». Он из тех руководителей, кто не терпит возражений. А я не терплю диктата. Он считал, что все, в том числе глава правительства, должны безоговорочно соглашаться с его мнением. А я такой позиции никогда, ни до, ни после, не принимал. Ставлю это себе в заслугу. Лакейство, даже в минимальной степени, — не для меня.

— То есть, конфликт был совсем не личного характера?

— Абсолютно! В нем отразился один из пороков многих партийных чиновников: привычка руководить всем и вся — от хозяйственной деятельности до живописи. Как-то один из моих заместителей в Совмине республики сообщает: «Секретарь ЦК просил передать вам, чтобы вы позвонили в Совмин Союза по следующему вопросу...» Я отвечаю: «Передайте этому товарищу, что я его указания выполнять не намерен, тем более опосредствованных. Пусть придет и объяснит, что ему нужно». Видите ли, отраслевой секретарь ЦК руководит правительством!

— Очевидно, он был уверен в силе авторитета самой своей партийной должности...

— Я уважаю один авторитет — разума. А верхушка тогдашнего ЦК хотела иметь под рукой послушного Председателя Совмина. Но из меня докорно исполнителя никто сделать не мог. Ни в районе, ни в области, ни в столице.

— Где Вы встречали больше чинуш и дураков? На каком из этих уровней?

— Везде, к сожалению, их хватало. Об Оршанском и Суражском районах, где начинал, не хочу говорить плохо. Случались и там конфликты. Но было много толковых, честных

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке

(Окончание на 2-й стр.).